

The article deals with the analysis of the role and persuasive potential of strategy of cooperation in Belarusian advertisement for a social cause. It reveals the most frequent tactics and language means explicating the strategy in question. The article proves that the strategy of cooperation constructs the informative and communicative extension of the social advertisement.

Поступила в редакцию 13.10.17

А. А. Кирдун, А. В. Андреева

ЯЗЫК ВРАЖДЫ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ БЕЛАРУСИ

В статье отражены результаты исследования массовой коммуникации¹ Беларуси. На материале интернет- и медиатекстов на русском и белорусском языках, датированных 2015–2017 гг., охарактеризованы основные речевые (коммуникативные) стратегии и тактики, через которые проявляется речевая агрессия (язык вражды).

Интенсивное развитие средств массовой коммуникации в XX–XXI вв. привело к трансформации мировосприятия, формированию нового виртуального мира общения. Массовая коммуникация перестала быть однонаправленной. Сегодня адресат, воспринимая информацию из радио- или телепередачи, Интернета, имеет возможность онлайн-реагирования и активного участия в публичном общении: например, посредством телефонного звонка в студию во время прямого эфира или СМС ведущему телепрограммы; участия в голосовании в эфире или на интернет-сайтах; путем комментирования размещаемой на различных интернет-ресурсах информации или включаясь в дискуссию интернет-пользователей; и др. Журналисты печатных СМИ уже не ограничиваются публикацией писем читателей, но ищут новые жанровые формы и речевые тактики взаимодействия с массовым адресатом [2].

Стремление СМИ быть ближе к аудитории («к народу») продиктовано задачей выживания в условиях жесткой конкуренции. «Средства массовой информации конкурируют за кошелек и свободное время аудитории. Каждое СМИ стремится по-своему привлечь к себе внимание читателей, слушателей, зрителей, чтобы последние могли по своему выбору обменять на него или свое время, или и время, и деньги» [3, с. 57]. Надо сказать, что в «битве» за аудиторию нередко отсутствует щепетильность в выборе языковых средств, привлекаются любые из них, «вплоть до прямого запугивания и апелляции к низменным инстинктам» [4, с. 156].

¹ Массовая коммуникация – разновидность общения, характеризующегося следующими признаками: массовая аудитория, социальная значимость передаваемой информации, использование технических средств (СМИ, в том числе глобальной компьютерной сети), многоканальность связи (посредством визуального, аудитивного, аудитивно-визуального каналов), доступность информации [1].

Современная ситуация в СМИ способствует усилению активности феномена *речевой (вербальной) агрессии*, особой разновидностью которой является язык вражды (язык ненависти, язык интолерантности; англ. *hate speech*). В настоящее время не существует единого, общепризнанного определения языка вражды. Наиболее удачной, по нашему мнению, является трактовка понятия, предложенная В. В. Кузнецовой и Е. Е. Соколовой, которые определяют его как «лингвистические способы выражения резко отрицательного отношения к каким-либо явлениям общественной жизни (культурным, национальным, религиозным и т.п.), а также к людям, являющимся носителями иных, противоположных автору, духовных ценностей» [5, с. 448]. Язык вражды может выступать как форма проявления расизма, ксенофобии, антисемитизма, религиозной нетерпимости, сексизма и пр.

Язык вражды как феномен современной массовой коммуникации постоянно находится в центре внимания российских ученых-лингвистов (см. работы Е. Н. Басовской, Е. Ю. Булыгиной, Е. В. Власовой, Т. А. Воронцовой, О. С. Иссерс, И. Е. Петровой, Л. В. Рацбургской, Н. Б. Руженцевой, Т. И. Стексовой, Ю. В. Щербининой и др.). Способам реализации речевой агрессии в текстах, размещенных в СМИ Беларуси, пока посвящены лишь единичные лингвистические исследования, в результате которых выявлены агрессивные речевые стратегии и тактики, зафиксированные в телепередачах [6], выделены конкретные виды речевой агрессии в белорусской прессе [7], описаны словообразовательные неологизмы, посредством которых выражается речевая агрессия в Белнете [8], и др.

Следует отметить, что проблема речевой агрессии (языка вражды) в современной массовой коммуникации является предметом исследования не только лингвистов, но и социологов, психологов, философов, политологов, культурологов, этнологов. Кроме того, мониторинг языка вражды, находящего отражение в СМИ, осуществляют и члены ряда общественных организаций государств постсоветского пространства: РФ, Украины, Беларуси, Кыргызстана и др. (см. напр., в [9; 10; 11]). Актуальность исследований связана прежде всего с тем, что объектом (мишенью) речевой агрессии в современных СМИ становятся самые разнообразные социальные группы (или отдельные их представители), а результат воздействия может иметь весьма серьезные негативные последствия не только для отдельной личности, но и для общества в целом. Как справедливо отмечает А. К. Михальская, речевая агрессия создает агрессивный подход к действительности и враждебную социальную среду, являясь тем самым первым шагом на пути к агрессии физической [12, с. 159–160].

Результаты проводимых мониторингов неутешительные. По заключениям исследователей (Г. Кожевниковой, А. Верховского и др.), в современной России язык вражды растет количественно и эволюционирует, мимикрирует, маскируясь под социальную риторику. При этом усиливается жесткость публикаций и нарастает агрессивность телепередач. Также иссле-

дователи констатируют и качественное изменение языка вражды: непрофессиональная истерическая реакция на то или иное событие заменяется вполне осознанной пропагандой.

В Республике Беларусь мониторинг языка вражды несколько лет осуществляется журналистами и волонтерами в рамках инициативы «Журналисты за толерантность». Кампания направлена на повышение социальной ответственности белорусских журналистов за публикуемые ими материалы. Так, например, в отчетах, опубликованных по результатам мониторинга 2014 г., отмечалось, что в белорусских СМИ было выявлено более 50 материалов, содержащих высказывания, которые, по мнению исследователей, можно квалифицировать как распространяющие, провоцирующие или оправдывающие расизм, ксенофобию, антисемитизм и некоторые другие подобные явления [13].

Мониторинг языка вражды в медиапространстве позволяет привлечь внимание общественности к проблеме интолерантности в СМИ и инициировать обсуждение вопросов соблюдения журналистской этики и ответственности за созданный информационный продукт. Вместе с тем при всей важности и актуальности исследований, проводимых общественными организациями, в них присутствуют и существенные недостатки: проявления речевой агрессии устанавливаются субъективно, на основании нечетких критериев¹; анализ проводится выборочно, фрагментарно (на ограниченном материале), что в итоге не позволяет судить о реальном положении дел. Кроме того, актуальным представляется сегодня изучение языка вражды не только на материале профессиональных журналистских текстов, но и текстов «любительских», которые широко представлены в интернет-пространстве и оказывают значительное влияние на умы и чувства людей.

Источником проведенного нами исследования послужили тексты на русском и белорусском языках, размещенные в средствах массовой коммуникации Беларуси: на сайтах, представляющих собой электронные версии печатных периодических изданий («Белгазета», «Аргументы и факты» в Беларуси, «Народная воля» и др.); на информационных интернет-порталах (TUT.by, Onliner.by, Charter.97, nn.by, www.belaruspartisan.org, Kyky.org и др.); в социальных сетях (www.facebook.com, <https://vk.com>, <https://ok.ru>); на различных интернет-форумах и др. Исследованные нами тексты, датируемые 2015–2017 гг., весьма разнообразны как по жанровой принадлежности (публицистическая статья, интервью, интернет-комментарий, блог и др.), так и по тематике. Их изучение позволяет сделать вывод о том, что современная массовая коммуникация Беларуси не свободна от речевой агрессии, в том числе и от языка вражды.

¹ Для оценки публикаций СМИ используется, как правило, «показатель некорректности», вычисляющийся на основе методики, разработанной информационно-аналитическим центром «СОВА» (российской общественной неправительственной организацией). В соответствии с этой методикой выделяются 17 видов некорректных высказываний.

Как показал изученный нами материал, субъектами языка вражды являются как профессиональные журналисты, так и пользователи Интернета, размещающие собственные тексты в глобальной компьютерной сети. При этом в «любительских» материалах часто обнаруживается активная прямая речевая агрессия, характеризующаяся оскорблениями, унижением, обвинением «чужой» группы, призывами к агрессивным действиям в отношении нее и т.п. Это отчасти объясняется тем обстоятельством, что современная блогосфера и форумные площадки представляют собой коммуникативную среду, характеризующуюся отсутствием цензуры, широким представлением о свободе слова, формированием своей «коммуникативной нормы» публичного общения, которая зачастую не согласуется с морально-этическими и правовыми нормами белорусского общества. Ряд конфликтных публикаций становился предметом судебного разбирательства, в том числе и по делам, связанным с противодействием экстремизму¹, а сам контент подвергался блокированию со стороны государственных органов Республики Беларусь. Напротив, в профессиональных журналистских текстах (опубликованных как в официальных, так и неофициальных СМИ) речевая агрессия обнаруживается значительно реже и представлена преимущественно в виде не прямой агрессии, при которой цель автора зачастую маскируется под простое информирование или критику, а языковые средства подбираются таким образом, чтобы вызвать у аудитории желательные для автора враждебные эмоции к объекту речи.

В результате проведенного нами исследования установлено, что в массовой коммуникации Беларуси речевая агрессия (в том числе и язык вражды) проявляется прежде всего через использование двух взаимодействующих речевых стратегий, направленных на создание негативного образа «чужого», «врага»², на формирование у массовой аудитории эмоций враждебности и готовности совершения негативных действий в отношении «чужой» группы: стратегии дискредитации и манипулятивной стратегии.

В научной литературе под речевой стратегией подразумевается «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [15, с. 54]. Стратегии реализуются через определенный репертуар речевых тактик, являющихся практическим инструментом говорящего. Обычно стратегическая задача говорящего не решается с помощью одной тактики. Ее достижение осуществляется комбинацией тактик.

¹ Авторы данной публикации привлекались в качестве экспертов для производства комплексных психолого-лингвистических экспертиз, объектами которых являлись публикации, размещенные в блогосфере, на форумах и впоследствии по решению суда признанные экстремистскими информационными материалами.

² Образ врага – создающееся в тексте негативное представление о ком-либо, как правило, о группе лиц, которые объединены по какому-либо признаку (расовому, национальному, социальному и т.п.). Образ врага создается как оппозиция двух групп: «свои» и «чужие» [14, с. 55].

Одной из наиболее активно реализуемых стратегий в современной массовой коммуникации Беларуси является *стратегия дискредитации*, определяемая в научной литературе как совокупность речевых действий, «цель которых – подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо» [15, с. 161]. Реализация стратегии дискредитации осуществляется посредством целого ряда речевых тактик: *оскорбления, поляризации, обвинения, навешивания ярлыков, насмешки, нагнетания отрицательного* и др. С нашей точки зрения, выделение в рамках стратегии дискредитации перечисленных тактик довольно условно, поскольку многие из них содержат не только дискредитирующую, но и манипулятивную составляющие. Рассмотрим более подробно некоторые из перечисленных выше тактик.

Тактика оскорбления заключается в намеренном выборе не соответствующего узусу публичного общения способа номинации «чужих» с целью понижения их статуса (дается негативная статусная оценка «они не достойны нормальной или высокой оценки»). Как показывают наши наблюдения, оскорбление реализуется с помощью следующих речевых ходов:

а) утверждений типа *Он дурак, вор, урод* и проч., в которых умаляются интеллектуальные, нравственные, профессиональные или физические качества «чужой» группы. Понижение статуса «чужих» осуществляется за счет отнесения их к аномальному, «плохому» классу людей. Этот речевой ход назван О. С. Иссерс «прямым оскорблением» [15, с. 166]. Реализацию хода проиллюстрируем примером: *...фашисты-немцы сожгли в концлагерях немножко евреев и до сих пор люди, сочувствующие этой погани, клеймят словом “фашист” всех кого ни лень*¹. В приведенном фрагменте публикации, размещенной в одном из белорусских блогов, оскорбление евреев оформлено с помощью негативно-оценочной единицы *погань* ‘мерзкие люди’, подчеркивающей моральную неполноценность «чужой» для автора группы;

б) утверждений типа *«Он похож на N* (в терминологии О. С. Иссерс – «косвенное оскорбление»). В данном случае понижение статуса «чужих» объясняется установлением сходства с N, с которым ассоциируется нечто плохое. В средствах массовой коммуникации Беларуси данный ход базируется главным образом на использовании речевых приемов сравнения или метафоры.

Ярким примером речевого хода может служить фрагмент публикации, посвященной событиям на востоке Украины и опубликованной в одном из белорусских интернет-блогов: *Россия ужаснейшее государство с тупыми орками вместо нации*. Как следует из данного фрагмента, по отношению к русским (титულიной нации России) автором использована прецедентная метафора *орки*, отсылающая к произведениям английского писателя Джона Толкина (автор «Властелина колец», «Хоббита, или Туда и обратно» и др.).

¹ Здесь и далее при цитировании сохраняется авторская орфография и пунктуация.

В произведениях писателя орки – злобный, жестокий, кровожадный варварский народ, населявший Мордор, подчинявшийся Темному властелину – Морготу и составлявший его орды. В настоящее время прецедентная метафора *орки* широко используется в интернет-дискурсе для негативной экспрессивной оценки русских и профилирует семантические следствия: ‘русские – жестокие, кровожадные люди’, ‘русские – варвары’, ‘русские – глупые люди’. Таким образом, путем установления сходства представителей русской национальности с орками автор приписывает им (русским) такие отрицательные черты, как злобу, жестокость, кровожадность, глупость и варварство.

Одной из активно используемых в рамках стратегии дискредитации является тактика поляризации, суть которой заключается в резком отделении одной группы («своей») от другой («чужой»). «Своей» группе приписываются исключительно положительные черты и свойства, а «чужой» – отрицательные (полутона обычно не используются) [16, с. 86]. Применение данной тактики позволяет говорящему через демонстрацию превосходства «своей» группы подчеркнуть недостатки и неполноценность «чужой» группы.

Как показывает исследованный нами материал, наиболее часто данная тактика базируется на использовании языковых единиц с разной оценочностью: номинативные единицы, атрибутирующие или идентифицирующие «свою» группу либо ее представителя, относятся к положительно-оценочным лексемам, в то время как номинативные единицы, атрибутирующие или идентифицирующие «чужую» группу либо ее представителя, сконцентрированы в области негативно-оценочных единиц. В качестве примера реализации рассматриваемой тактики приведем фрагмент комментария, размещенного на одном из белорусских интернет-форумов, посвященного обсуждению событий в Украине: *От за таких как он фашисцких кацапов надо сотнями в землю класть, Слава Безмертним Героям Украины! смерть москалям-окупантам!* Как следует из текста комментария, номинативные единицы, атрибутирующие и идентифицирующие представителей русской национальности (*фашисцкие кацапы, москаль-окупанты*), введены с отрицательной оценочностью, а номинативные единицы, атрибутирующие украинцев (*Слава Безмертним Героям*), – с положительной.

Тактика обвинения заключается в том, что говорящий (пишущий) утверждает о несоответствии действий, поступков «чужой» группы или ее отдельных представителей общепринятым морально-этическим либо правовым (международным и национальным) нормам. Как показывают наши исследования, тактика прямого обвинения реализуется через несколько речевых приемов-утверждений следующего типа:

а) «группа лиц (ее конкретный представитель) совершает (совершила) действие, которое является неэтичным, аморальным либо противозаконным». Например: *Но, чтобы не потерять свое влияние в Украине и отвлечь национал-социалистов и националистов от люстрации, Путин и ко. аннексировали Крым*

и отправили своих солдат воевать в эту самую Украину. В приведенном фрагменте интернет-публикации автор утверждает о насильственном присоединении российскими властями части территории, принадлежащей другому государству (Украине), и введении туда своих военных сил. Обвинение в данном случае реализуется через использование ряда однородных сказуемых, выраженных глаголами с негативным оценочным компонентом значения: *аннексировали, отправили воевать*;

б) «действия группы (ее конкретного представителя) приводят к негативным последствиям». Наиболее частотным языковым средством реализации данного речевого приема являются синтаксические конструкции с причинно-следственным значением, например: *Но тут пришел Путин и началось ухудшение ситуации с соблюдением прав человека*;

в) «группе лиц (ее конкретному представителю) свойственно совершать негативные действия». Например: *Менталитет русских не поменялся за столетия. Московия лишь переименовалась Россией и продолжает свой грабительский рейд по соседним землям*. Автор интернет-комментария утверждает, что захват чужих ресурсов – отличительная особенность русского характера.

Нередко обвинения бывают бездоказательными и голословными, не подкрепленными какими-либо фактами и основанными на неподтвержденных слухах, домыслах или стереотипах. Например, фрагмент публикации одного из белорусских блогеров *Больше целей у русских в жизни нету – только война и захват чужого. Долгое время русские искали национальную идею, боясь себе признаться, что ее нет и быть не может... Национальную идею русские заменяют бесконечным имперством и захватами чужих земель. Вместо внутренней работы над тем что есть, они живут по принципам кочевников – разбойные нападения на чужую территорию с целью выкачивания ресурсов. Это их адреналин и смысл жизни содержит обвинение русских в постоянном развязывании захватнических войн с целью овладения чужими ресурсами. При этом автор не приводит рациональных аргументов, а стремится убедить читателя в своей позиции, создавая особую эмоциональность и экспрессивность текста благодаря использованию приема нанизывания негативно окрашенных единиц, преимущественно политических метафор: *война, захват, разбойное нападение, выкачивания ресурсов, живет по принципам кочевников, имперство* и др.*

Тактика навешивания, или приклеивания, ярлыков выражается в том, что говорящий формулирует какие-либо утверждения как аксиому, чтобы приписать «чужой» группе определенные нелицеприятные черты и тем самым унижить ее, девалоризовать. Как отмечает О. С. Иссерс, «ярлык не объясняет объективных свойств личности, микросоциума, а обозначает их по принципу “чужого”, идеологически инородного» [15, с. 174]. В массовой коммуникации Беларуси навешивание ярлыков часто базируется на эксплуатации предрассудков или стереотипов. Одним из ярких средств

выражения данной тактики являются словообразовательные окказионализмы с гипертрофированной односторонне пейоративной коннотацией, используемые без опоры на этико-речевую норму и коммуникативный постулат истинности высказывания. Так, в интернет-коммуникации встречается неологизм *маскалафашисты*, созданный на базе ненормативного этнонима *маскалі* (в среде белорусскоязычных пользователей наблюдается тенденция замены нормативных номинаций *рускія, расіяне* стилистически сниженными словами *маскалі* или *кацапы*) и лексемы *фашисты*, которая актуализирует негативные значения 'очень жестокие люди, садисты', 'окупанты'. Например: *Маскалафашисты кінулі беларуса ў засценкі за яго пазыцыю, заўважу, нармальную пазыцыю. Свабоду беларусу!; Звычайныя маскалафашисты. Украінцы ачысцяць сваю хату ад гэтага смецця*. Данное образование можно считать своеобразным словесным ярлыком, способствующим формированию негативного этнического стереотипа о русских.

Проанализированный нами фактический материал показал, что манипулятивная стратегия реализуется с помощью целого ряда тактик, среди которых наиболее частотными в публичной коммуникации являются тактика апелляции к авторитету, тактика аналогии, тактика прецедента, тактика искажения информации, тактика навязывания пресуппозиции и др. При этом спектр используемых языковых средств довольно широк: от отдельных слов до различных стилистических фигур (риторических вопросов, вопросно-ответных ходов и др.). Рассмотрим некоторые из этих тактик.

С целью манипулятивного воздействия используется тактика искажения информации, например: *Если кто не знает, на белорусском языке в Белоруссии говорят только дикторы радио и телевидения, преподаватели белорусского языка и русофобская оппозиция*. В приведенном фрагменте публикации содержится утверждение о том, что в настоящее время белорусский язык не востребован в реальной речевой практике и имеет крайне узкую сферу функционирования. Вместе с тем, как любой другой, он объективно выполняет три основные глобальные функции: коммуникативную, культурную и идентификационную [17, с. 22–23]. Так, по данным переписи населения 2009 г., белорусский язык выступает в качестве реального средства межличностного общения почти для четверти населения страны – 23 %. На белорусском языке создано и сохранено огромное число культурных ценностей (памятники старобелорусской письменности, богатейший в Европе фольклор, самобытная художественная литература), которые получили признание в мире и составляют значительную часть мировой духовной культуры [17, с. 71]. Приводя искаженную информацию о функционировании белорусского языка, автор тем самым умаляет его значение в обеспечении коммуникативных потребностей общества.

Тактика прецедента строится по семантической схеме: *Делать X, потому что так делал Y*. Например: *Теперь, в целях формирования нации, осталось чтобы Гиркин напал на Орию. И устроить второй 1514-ый, как*

раз спустя 500 лет. В данном фрагменте публикации блогер формирует положительный образ военных действий на территории Беларуси, проводя параллель с историческим событием – сражением 1514 года, в котором русское войско потерпело поражение под Оршей и отступило к Смоленску. События 1514 года позиционируются автором как положительный опыт поведения для современных белорусов в отношении русских, как образец для подражания.

Если говорить об объектах языка вражды, то ими являются различные группы лиц, выделяемые по признаку расовой, национальной, религиозной либо иной социальной принадлежности. По нашим наблюдениям, враждебность часто проявляется в отношении социальных (профессиональных) групп. Мишенями языка вражды становятся представители власти: глава государства и его окружение, высокопоставленные чиновники, депутаты, правоохранительные органы, в том числе сотрудники органов внутренних дел, КГБ, ДПС и др. Зафиксированы случаи адресации языка вражды в отношении лиц, разделяющих те или иные политические взгляды или идейные убеждения: сторонников действующей власти, представителей оппозиционных политических взглядов, пророссийски настроенных граждан Беларуси или Украины, сторонников Русского мира и др. В числе национальных групп, «атакуемых» в белорусском публичном коммуникативном пространстве, находятся русские, евреи, украинцы, выходцы с Кавказа или из Средней Азии (армяне, азербайджанцы, грузины, туркмены, таджики либо уроженцы Кавказа и Средней Азии как собирательная группа, именуемая в текстах с помощью этнофолизмов *чурки*, *чуреки*, *черные* и др.). Основную религиозную группу-мишень языка вражды в исследованных нами текстах образуют мусульмане.

Язык вражды присутствует в текстах различных жанров и форм. Чаще всего он находит отражение в текстах, посвященных социально значимым событиям, межнациональным и межконфессиональным отношениям, работе органов государственной власти, действиям правоохранительных органов, а также деятельности политиков.

Описанные выше речевые стратегии и тактики зачастую способствуют обострению межэтнических, межконфессиональных, социальных конфликтов, разделению общества по принципу бинарной оппозиции «свой – чужой». Нередко тексты, в которых находит отражение язык вражды, становятся предметом судебного разбирательства, в рамках которого назначается комплексная психолого-лингвистическая экспертиза для установления специальных (лингвистических и психологических) признаков запрещенных законодательством коммуникативных действий (см. ст. 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму»): разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, социальной, расовой, национальной или языковой

принадлежности; публичные призывы к экстремистским действиям. Производство судебных экспертиз должно осуществляться по единым, научно обоснованным методикам и воспроизводимым технологиям, в основе которых лежат специальные критерии-маркеры. Разработке таких критериев и призвано способствовать проведенное нами исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарков, Ф. И. Теория коммуникации / Ф. И. Шарков. – М. : РИП-холдинг, 2004. – 246 с.
2. Салимовский, В. А. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета / В. А. Салимовский, Л. М. Ермакова // Вестн. Перм. ун-та. – 2011. – Вып. 3(15). – С. 71–80.
3. Вартанова, Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие / Е. Л. Вартанова. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 335 с.
4. Кузьмин, И. В. Язык периодической печати: культурные традиции и современная социокультурная и экономическая ситуация / И. В. Кузьмин // Язык в современных общественных структурах: социальные варианты языка – IV : материалы Междунар. науч. конф., Н. Новгород, 21–22 апр. 2005 г. / Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород, 2005. – С. 156.
5. Кузнецова, В. В. Свобода слова и язык вражды в российских СМИ / В. В. Кузнецова, Е. Е. Соколова // Социальные варианты языка: материалы Междунар. науч. конф. – Н. Новгород, 2004. – С. 448–450.
6. Хмель, Л. Агрэсія ў тэлефіры, стратэгіі і тактыкі / Л. Хмель // Журналістыка-2016 : стан, праблемы і перспектывы : матэрыялы 18-й Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 95-годдзю БДУ, Мінск, 10–11 ліст. 2016 г. / рэдкал. : С. В. Дубовік (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2016. – Вып. 18. – С. 172–175.
7. Самусевич, О. М. Феномен речевой агрессии в белорусской прессе / О. М. Самусевич // Медиалингвистика. – 2017. – № 2 (17). – С. 41–51.
8. Кірду́н, А. А. Словаўтваральныя аказіяналізмы як сродак праяўлення вербальнай агрэсіі: на матэрыяле інтэрнэт-тэкстаў / А. А. Кірду́н, А. У. Андрэева // Беларуская граматыка: ад Браніслава Тарашкевіча да сучаснасці : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 студз. 2017 г. / Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літаратуры, Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2017. – С. 288–300.
9. Кожевникова, Г. В. Язык вражды в предвыборной агитации и вне ее: мониторинг прессы : сентябрь 2003 – март 2004 г. / Г. В. Кожевникова ; под ред А. М. Верховского. – М. : Центр «СОВА», 2004. – 103 с.
10. Язык вражды в СМИ и Интернете / под ред. И. Сикорской и С. Гафаровой. – Бишкек, 2014. – 34 с.
11. Язык вражды против общества: сб. ст. / сост. А. Верховский. – М. : Центр «Сова», 2007. – 259 с.

12. Михальская, А. К. Русский Сократ : лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Издат. центр «Academia», 1996. – 196 с.
13. Язык вражды в белорусских СМИ : мониторинг за июнь–июль 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://gaypress.eu/2014/09/13/monitoring-yazy-k-vrazhdy-v-belorusskih-smi-za-iyun-iyul-2014/>. – Дата доступа : 20.10.2017 г.
14. Бринев, К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе / К. И. Бринев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 200 с.
15. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 5-е изд. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.
16. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н. Б. Руженцева ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.
17. Лукашанец, А. А. Беларуская мова ў XXI стагоддзі : развіццё сістэмы і праблемы функцыянавання / А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2014. – 396 с.

The article reflects the results of the study of mass communication in Belarus. On the basis of media and Internet texts in Russian and Belarusian languages, dated 2015 – 2017, the main speech (communicative) strategies and tactics through which speech aggression (hate speech) is manifested are characterized.

Поступила в редакцию 10.11.17